

Питер медленно просыпался. Он был в сознании, но не хотел открывать глаза.

Он был еще не совсем готов выбросить из памяти теплую пелену сна... он мог бы хоть на мгновение притвориться, что прошлой ночью ничего не произошло.

Он лег в постель, крепко выспался и теперь проснется, чтобы встретить новый день лицом к лицу.

Вот только случилось совсем не это. Резкий антисептический запах грубых простыней не позволял ему лгать самому себе.

Он был не в своей постели. Даже не открывая глаз, он знал, что комната казалась... неправильной. Слишком открытый. Слишком лаконично. Из окна должен был дуть легкий ветерок, он знал, что оставил его открытым. Вместо этого он даже не был уверен, что здесь есть окна.

Звуки тоже были другими. Утро в его районе означало пение птиц и людей, едущих на работу. Здесь все, что он мог разобрать, - это низкое гудение флуоресцентных ламп и фоновый шум тихих голосов.

У этого матраса не было комочков. Простыни были из хрустящего льна. Шершавый на его коже. Не тот хорошо выстиранный хлопок, который был неподходящим постельным бельем даже тогда, когда его впервые купили.

Так что... не дома.

Это означало, что прошлой ночью что-то случилось.

Он резко вдохнул и вспомнил дядю Бена... и еще кое-что. Тот, о ком он действительно не хотел думать.

Понимая, что ничего не поделаешь, он медленно открыл глаза.

Комната была маленькой и безликой, если не считать медицинского оборудования и выключенного телевизора, свисающего с кронштейна на стене под потолком. Не было никаких сомнений в том, что это была больничная палата. Он застонал, садясь, и рассеянно заметил, что в его руке была капельница. Он поднял взгляд и заметил, что пакет с физраствором на подставке был заполнен меньше чем наполовину, а рядом на крючке висел пустой, который, вероятно, кому-то следовало выбросить. Это означало, что он пробыл здесь какое-то время. Ему стало интересно, как долго он был без сознания.

Затем он нахмурился, осознав это. Он несколько раз моргнул. Его взгляд был резко сфокусирован. Он был уверен, что если бы попытался, то, вероятно, смог бы прочитать

крошечную надпись на капельнице.

Это было странно, понял он. Его зрение никогда не отличалось остротой. Ему всегда нужны были очки, даже когда он был маленьким мальчиком. Теперь все просто казалось таким... свежим.

Его слух тоже казался более острым. Он сосредоточился на шорохе и обнаружил, что отчетливо слышит голос своей тети.

— ...уверена в этом, Анна? У тебя и так достаточно забот с твоей племянницей и со всем остальным...

— Не думай дважды об этом, Мэй. — отчетливо донесся до него пренебрежительный голос Анны Уотсон. — Ты бы сделала то же самое для меня. Эм-Джей займет свободную спальню. Ты можешь взять раскладушку в моей комнате, а Питер может остаться в кабинете

— Я... ну, это только до тех пор, пока полиция не отпустит... — Ее голос на мгновение дрогнул, и Питер мог сказать, что она подавила рыдание. — До тех пор, пока дом больше не перестанет считаться местом преступления. — Она закончила с несчастным видом.

— О, милая... ты справишься с этим. Ты сильнее, чем думаешь. — Он услышал шорох и догадался, что их соседка только что обняла его тетю.

— Бен был моей силой. — Тетя Мэй тихо ответила. — Я просто не знаю, как...

— Я знаю. Я знаю. Все наладится. — Анна говорила успокаивающим тоном.

— Дело не только во мне, Анна, — продолжала его тетя, — дело в бедном Питере. Он любил Бена. После того, что случилось с его родителями... и на этот раз он, должно быть, видел, как это произошло.

— Они знают, когда он проснется? — Беспокойство в ее голосе было очевидным. Голоса тоже были ближе.

Он услышал, как ручка слегка подрагивает.

Дверь открылась, и Питер, сам не совсем понимая, зачем он это сделал, сполз пониже на кровать и почти снова закрыл глаза. Он наблюдал сквозь ресницы, как его тетя Мэй, красивая женщина лет сорока пяти, проскользнула обратно в комнату. На ее обычно спокойном лице отразилось беспокойство. Волосы Мэй когда-то были светло-каштановыми, почти светлыми, но теперь в них пробивалась седина. Ее одежда выглядела мятой и поношенной. Пиджак, блузка и слаксы. Вероятно, она носила их со вчерашнего вечера... Питер предположил, что сейчас, должно быть, уже наступил следующий день.

Позади нее Анна Уотсон, женщина лет тридцати пяти с копной рыжих волос до плеч, цвет которых, вероятно, был взят из бутылки. Она была незамужней, работала в брокерской фирме, владела собственным домом и долгое время была предметом интереса многих соседских мальчишек благодаря своему хорошенькому личику, потрясающей фигуре и безразличному отношению к задерживанию штор, когда занималась дома. По настоянию дяди Бена у Питера было несколько ее фотографий... сделанных со вкусом, конечно. Но любой интерес Питера к спандексу, вероятно, был вдохновлен Анной.

Ни один из них не выглядел так, будто они много спали, если вообще спали.

Мэй заговорила, преодолевая расстояние от двери до его кровати.

— Доктор не думает, что с ним что-то не так физически. — Она протянула руку и нежно пригладила его непослушные волосы, затем покачала головой. — Но он, должно быть, видел, что случилось с Беном. Шок от этого... — Ее голос беспомощно затих.

Анна стояла в изножье кровати и не попадала в поле зрения Питера, но он почти чувствовал, что она все еще там. Как запах или давление. Что-то заставило его осознать ее положение еще до того, как она ответила.

— Это ужасное зрелище. В любом возрасте.

Мэй тяжело вздохнула, ее рука снова погладила Питера по голове. Это успокаивало. Его нужно было успокоить... но тете Мэй было больно. Не требовалось обостренных чувств, чтобы понять это. Почему он решил поиграть в опоссума? Инстинкт, решил он. Он среагировал инстинктивно и спрятался... но теперь он был в безопасности, верно? Тетя Мэй и Анна... они были бы в достаточной безопасности, верно?

Питер глубоко вздохнул, до его слуха донеслись странные запахи. Он действительно мог различать их, понял он, когда их запахи пробились сквозь резкий запах антисептика, витавший в воздухе. От его тети пахло мукой и оливковым маслом. Старые книги и специи. От нее пахло домом. От Анны пахло бумагой и сиренью.

Он открыл глаза и встретился с обеспокоенным взглядом своей тети.

— О, Питер. — Мягко сказала Мэй, и на ее лице появилась улыбка облегчения.

Питер легко сел и без слов обнял ее.

— О, Питер... твой дядя Бен...

Его голос почти сорвался от боли, прозвучавшей в ее голосе.

— Я знаю. Я... Я видел, что произошло.

Ее хватка усилилась. Отдаленная часть его самого, которая не находила утешения в объятиях тети, заметила, что Анна все еще стоит в изножье кровати и печально улыбается. Она неловко стояла, не зная, что с собой делать.

Анна тихо заговорила.

— Я, пожалуй, пойду, Мэй. Вы двое, не торопитесь. Мы с ЭмДжей поймаем такси домой, а ты просто зайди ко мне, когда врачи скажут, что Питер может идти, хорошо?

Мэй молча кивнула Питеру в плечо. Он одарил Анну легкой, благодарной улыбкой, когда она уходила. Та маленькая, отдаленная часть его, которая не была поглощена своим горем или страданиями, снова заговорила, нашептывая в затылке Питера о том, как... интересно выглядела уходящая Анна Уотсон.

Он яростно подавил этот голос.

Его дядя был мертв.

Его тете было больно.

<http://tl.rulate.ru/book/98571/3353330>